

Современный кризис и перерождение капитализма

II¹⁾

Утрата капитализмом его ликвидности, вызывающая чрезвычайную ломкость капитала и обуславливающая крайнее ослабление в современном капиталистическом хозяйствѣ его автоматизма, является одной из главных «структурных» причин современного кризиса. Она вызывает также и противорѣчіе между техникой и хозяйством, сказывающееся в том, что техническій прогресс ведет нынѣ уже не к расширенію, а к разстройству рынка, к тому же дошедшаго до предѣла своей географической экспансіи и все болѣе и болѣе принуждаемаго расширяться «вертикально», т.-е. через увеличеніе покупательной силы внутри страны. Параллельно с этим процессом иммобилизации капитала идет, как мы видѣли, обратный процесс возвращенія капиталу его подвижности в плоскости кредита, вызывающій подчиненіе промышленнаго капитала финансовому и, как слѣдствіе этого, отчужденіе верховных распорядителей промышленности от подчиненных им предпріятій, что приводит далѣе ко все большему выключенію в промышленности начала рентабельности.

Привычки военно-принудительнаго хозяйства, характер новаго типа выдвинутых войной и инфляціей финансовых дѣльцов, націоналистическая политика послѣвоенных правительств, — эти факторы до чрезвычайности усугубили процесс выключенія начала рентабельности из современнаго хозяйства, заложенный однако уже в довоенном развитіи. Предоставляя вы-

---

1) См. «Новый Град» № 3.

возня преміи, гарантируя кредиты заграничным заказчикам, раздавая субвенции отдельным предприятиям, беря на себя долги обанкротившихся предприятий или финансировавших их банков, государство рѣже всего в настоящее время руководится принципом рентабельности. И так же мало руководствуются им крупные банки в своей финансовой политикѣ. В лучшем случаѣ начало рентабельности только умѣряет их политику, руководствующуюся на дѣлѣ иными, посторонними хозяйству мотивами. А это значит, что вмѣстѣ с автоматизмом современное капиталистическое хозяйство утрачивает и свою автономію. Нынѣшній кризис в сущности только проявил то, что фактически существовало и до него. Государство на Западѣ менѣе всего склонно сейчас расширять свое вмѣшательство в хозяйственную жизнь. Если каждый день приносит однако новое расширение этого вмѣшательства, то это происходит силою вещей, под давлением обстоятельств, пожалуй, в большей степени под натиском представителей капитала, чѣм представителей труда. Нужно ли предотвратить прекращение работы предприятия, имѣющаго военное значеніе (а какое тяжелое предприятие не имѣет сейчас такого?), нужно ли предупредить дальнѣйшее развитіе кризиса или спасти от разоренія тысячи рядовых вкладчиков, довѣривших свои сбереженія крупному банку, просчитавшемуся при их инвестированіи, — во всѣх этих случаях государство приходит на помощь субвенціями и «субсидіями», против своего желанія беря на себя отвѣтственность и контроль над обращающимися к нему за помощью предприятиями. Положеніе еще болѣе осложняется внутренне-политической борьбой, особенно при коалиціонном составѣ правительства. Отдѣльныя хозяйственныя группы урывают от государства преміи, пошлины, тарифы, являющіеся часто опять-таки не чѣм иным, как тѣми же субвенціями и еще болѣе связывающими хозяйство, и без того уже утратившее свою ликвидность и свой автоматизм.

Отличительной чертой этого вмѣшательства государства в хозяйство, осложняемаго и искажаемаго гетерономными хозяйству мотивами, в первую очередь классовой и политической борьбой, является то, что оно происходит несистематически

часто в послѣдній момент, когда уже поздно дѣйствовать и приходится только задним числом принимать отвѣтственность за дѣйствія других. Разумѣется, нельзя не содержать безработных и нельзя не спасти рядовых вкладчиков от разоренія, но случайность и несистематичность государственнаго вмѣшательства приводят к тому, что бремя и отвѣтственность по содержанию безработнаго труда и неработающаго капитала распределяются в высшей степени неравномѣрно и несправедливо между отдѣльными вѣтвями и классами внутри работающей части хозяйства. Утратив свою автономію, хозяйство невольно стало добычей государства, которое, однако, вмѣсто того, чтобы организовывать и руководить, только еще болѣе связывает и разстраивает хозяйство случайностью и произвольностью своего вмѣшательства.

Дѣло обстоит не так, что государство на Западѣ сознательно и планомерно наступает на хозяйство, отмѣняя его автономію. Если в первые годы послѣ окончанія войны такія попытки и имѣли мѣсто, то сейчас этатизм государства в значительной мѣрѣ — подневольный. К тому же утрата хозяйством его автономіи проявляется отнюдь не в одном только государственном вмѣшательствѣ. Руководители современнаго финансоваго капитала менѣе всего походят нынѣ на патріархальнаго хозяина, блюдушaго интересы своего предпріятія как цѣлага, одинаково капитала и труда (Кадбѣри, Форд и Батя представляют собою исключенія), и точно так же совсѣм не походят они на homo oeconomicus, руководящагося в своей дѣятельности единственно соображеніями рентабельности. Напротив, они руководятся в своей дѣятельности слишком часто мотивами господства и власти, мотивами чисто политическими, прямо обращая даже средства своих предпріятій (т.-е. в значительной степени средства своих кредиторов-акціонеров) на политическую борьбу. Лагузены, Гугенберги и Тиссенсы являются скорѣе правилом, а не исключеніями среди капитанов современной промышленности. Финансовый феодализм не только провоцирует государство к вмѣшательству в жизнь хозяйства, но и политизирует хозяйство изнутри. И эта утрата современным капиталистическим хозяйством его автономіи представ-

ляет собою, вмѣстѣ с утратой им его автоматизма, одну из главных причин нынѣшняго его «структурнаго» кризиса.

Факт этот, в сущности, является общепризнанным. Его вполне признают и современные идеологи чистаго либерализма, как, напримѣр, Кассель и Мизес, которые дѣлают из него вывод о необходимости упраздненія всякаго государственнаго вмѣшательства в хозяйственную область. Ошибка идеологов этого направленія заключается однако в том, что они хотят лечить болѣзнь, борясь с ея симптомами, вмѣсто того, чтобы бороться с причиной недуга. Развязать современное «связанное» хозяйство не значит вернуть ему его автоматизм и его автономію, утрата которых обусловлена глубокими измѣненіями в структурѣ капитала. Упразднить или даже значительно сократить современные формы охраны и страхованія труда, даже если бы это было возможно политически, без предварительнаго упраздненія демократической формы правленія нисколько не рѣшило бы вопроса. Одновременно слѣдовало бы упразднить и всѣ формы охраны и страхованія капитала, затраты на которыя сейчас вряд ли многим меньше, чѣм затраты на охрану и страхованіе труда, а попытка такого рода вызвала бы крайній отпор уже со стороны капиталистических кругов. И труд и капитал, выбывающіе из работы, все равно должны содержаться работающей частью хозяйства, и вопрос заключается в том, чтобы бремя их содержанія было справедливо распределено между отдѣльными элементами послѣдняго. Ссылка на доброе старое время классическаго капитализма совершенно неубѣдительна. Как неработающій постоянный капитал составлял тогда незначительную долю общаго капитала, которой можно было пренебречь, точно так же и безработный труд не представлял собою сто лѣтъ назад той хозяйственной цѣнности, какую он представляет сейчас, и которая с чисто хозяйственной точки зрѣнія требует совершенно иного, болѣе бережнаго к себѣ отношенія. Если капитал в современной высоко рационализированной промышленности стал до крайности ломким, то труд сдѣлался нынѣ до чрезвычайности хрупким. Рабочій современнаго высоко рационализированнаго предпріятія, производительность котораго, по сравненію с рабочим тяжелой промышлен-

ности конца прошлаго вѣка, возросла в два, а нерѣдко в три раза, не есть уже прежній рабочій, продающій свою мускульную силу. В громадном большинствѣ случаев рационализація направлена на то, чтобы освободить рабочаго от мускульнаго усилія, даже всякаго излишняго движенія. Рабочій современнаго рационализированнаго предприятия работает уже не своими мускулами, а центральной нервной системой, и притом не только тогда, когда он работает в качествѣ квалифицированнаго рабочаго, но в первую очередь именно тогда, когда работа его совершенно автоматизируется (в так называемом непрерывном производствѣ или у конвейера). Повышенный уровень жизни этого рабочаго есть не только завоеваніе его профессиональной борьбы, но прямая предпосылка производительности его труда. Этого не видят ни современные идеологи чистаго капитализма, ни строители совѣтских гигантов, воскрешающіе, в условіях современной усложненной техники, рабочій быт эпохи первоначальнаго накопленія. Современные капиталисты, руководящіеся принципом рентабельности (Форд и Батя), понимает это гораздо лучше тѣх и других. Обставленные современным комфортом жилища, школы, учрежденія внѣшкольнаго образованія, спортивныя площадки, больницы, изящные рестораны, кино и радіо (нерѣдко даже в самих мастерских с цѣлью противодѣйствія вредному воздѣйствію на центральную нервную систему автоматизма непрерывки), — вся эта поражающая глаз роскошь новаго рабочаго быта есть для них уже не филантропія, какой она еще была для дѣдов нынѣшних Кадбѣри или Раунтри, а рентабельное инвестированіе капитала. Даже исполняя чисто автоматическую работу, современный рабочій ничего общаго не имѣет с необученным рабочим добраго стараго времени. Не только американскіе педагоги, но и американскіе промышленники настаивают сейчас на том, что школа должна воспитать будущаго рабочаго не только к труду, но и к «досугу», воспитать в нем «дух коопераціи» (team-spirit), что возможно только новым значительным повышеніем ея уровня. Если вспомнить, что уже сейчас затраты на школьное обученіе cadaго рабочаго превышают в среднем в Англии 100 фунтов, а в Германіи 1.500 марок, то на-

до будет признать, что поддержка современного безработного есть в настоящее время не только дѣло челоуколюбія, но и забота о консервации инвестированных обществом и предпріятіем в труд капиталов, которые должны быть амортизированы. Для труда новаго, хрупкаго типа стабильность существования есть такое же условие его повышенной производительности, как стабильность рынка есть условие порождения современным ломким капиталом его дифференціальной прибыли. В условиях индустріальнаго общества стабильность труда, не исключаяющая его подвижности (свободы), осуществляется в видѣ страхованія, так же как и иммобилизация промышленнаго капитала не исключает, как мы видѣли, а предполагает подвижность капитала в формѣ кредита.

Если стабильность рынка и стабильность труда необходимо вытекают из измѣнившейся структуры современнаго капитала, то не слѣдует ли отсюда, что преодоленіе нынѣшняго кризиса, поскольку он — кризис структурный, возможно только на путях плановаго хозяйства? И не предполагает ли плановое хозяйство огосударствленія промышленности, по крайней мѣрѣ всей тяжелой промышленности и в особенности той, в которой современная рационализация производства есть уже совершившійся факт? Рецидив этатическаго социализма, представленный Отто Бауэром, так же характерен для эпохи нынѣшняго кризиса, как и рецидив классическаго либерализма, представленный Мизесом (куръезным образом оба гордіевы рѣшенія вопроса измышлены в тупикѣ, который представляет собою нынѣшня Вѣна). Еще в 1920 году Отто Бауэр был рѣшительным противником социализма в формѣ огосударствленія. Нынѣ, под впечатленіем кризиса, одну из главных структурных причин котораго он усматривает в рационализации промышленности, он видит выход из положенія снова в огосударствленіи. Если современное хозяйство, разсуждает он, утратило свой автоматизм, и если рационализация, рентабельная с точки зрѣнія временных и частичных интересов отдѣльнаго предпріятія или отдѣльнаго треста, оказывается невыгодной с точки зрѣнія всего хозяйства в цѣлом, то выход из тупика современнаго перманентнаго кризиса заключается единственно в планѣ,

который должен все производство превратить в единое предприятие или, по крайней мере, в единый трест, что возможно однако только через огосударствление, по крайней мере, всей крупной промышленности. Отсюда до крайности благожелательное отношение О. Бауэра к пятилетке. В отличие от своего собственного резко отрицательного отношения к ленинскому большевизму десять лет тому назад, он видит в сталинизм не возрождение военного коммунизма, а подлинное плановое хозяйство, настоящий социализм, хотя и осуществляемый недемократическими, на Западе неприменимыми средствами. Решение Бауэра так же просто и универсально, как и решение Мизеса, хотя в отличие от Мизеса Бауэр, повидимому, не ограничивается борьбой с симптомами, а восходит к первопричинам. Как будто от того, что руководители отдельных предприятий и их объединений, вместо того, чтобы быть служащими и собственниками акционерных обществ и трестов, станут чиновниками государства, возстанут утраченные хозяйством автоматизм и автономия, или даже установится та стабильность рынка, которая требуется возросшей ломкостью капитала и хрупкостью труда! Во-первых, сам Бауэр считает, что плановое хозяйство может иметь успех лишь в международном масштабе, а не в масштабе отдельного государства, и, значит, огосударствление, как таковое, ничего еще не разрешает. Если же мировой план достигается по Бауэру, очевидно, не начальной инстанцией, предписывающей всем отдельным предприятиям во всем мире характер, размеры и цены их производства, а путем правового соглашения, то спрашивается, почему внутри отдельного государства он должен предписываться начальной инстанцией. Если в особенности принять всерьез «демократичность средств» при осуществлении планового хозяйства, на которой так настаивает сам Бауэр, то очевидно, что настоящий план достигается не путем предписания сверху всевидящим и всезнающим оком начальства всем отдельным предприятиям деталей их производства, а путем создания целой иерархической сети учреждений, имеющих своей функцией установление гибких соглашений между участниками хозяйственного процесса с целью стабилизации рынка, являющейся ныне их об-

щим интересом. А в таком случаѣ совершенно неоправданным остается требованіе огосударствленія, ибо Бауэр не только не пытается, но и вряд ли когда-либо сможет доказать, что нормальное функціонированіе плановых учреждений, на основѣ реального, а не мнимаго учета всѣх частных хозяйственных интересов, и прочность вырабатываемых при их посредствѣ соглашеній предполагает превращеніе всей промышленности в единый всеобъемлющій государственный трест и всѣх руководителей отдѣльных предпріятій в подчиненных единому начальству чиновников. Бауэр явно требует болѣе того, что единственно только и вытекает из выдвигаемой перерожденіем современного капитализма задачи: созданія реальных учреждений, имѣющих цѣлью своей стабилизацию рынка, исключеніе гибельных послѣдствій односторонней рационализациі производства и согласованіе вступающих в конфликт между собою хозяйственных интересов. Этот максимализм и универсализм Бауэра, столь же противорѣчащій им же самим защищаемому в других случаях «институціонализму», свидѣтельствует о том, что он по-прежнему все еще остается плѣнником той отрицательности мышленія, которая составляет самое существо марксизма. В самом дѣлѣ: структурная причина современного кризиса заключается в утратѣ хозяйством его автоматизма и его автономіи. Вмѣсто того, чтобы пытаться вернуть хозяйству его автоматизм и его автономію (хотя бы в новом усложненном и облагороженном видѣ), Бауэр заранѣе отказывается от возможности разрѣшенія этой задачи, и рѣшеніе вопроса видит в том, чтобы, упразднивъ совершенно автоматизм хозяйства и его автономію, довести до их крайняго, послѣдняго предѣла тѣ начала отрицанія и разрушенія, которыми сопровождается современное перерожденіе капиталистическаго хозяйства.

Поэтому коммунизм и есть для него не отрицательная изнанка капитализма, а тот же социализм, отличающійся от «европейскаго» социализма только своими «азиатскими средствами», вопль к тому же оправдываемыми азиатской обстановкой, в которой совѣтской власти приходится дѣйствовать. Поэтому также сталинская пятилѣтка есть для него не усугубленіе всѣх отрицательных начал капитализма, а попытка подлиннаго пла-

новаго хозяйства, «крушение которой было бы величайшим несчастьем для трудящихся всего мира». Бауэр не видит того, что советское плановое хозяйство обернулось на деле анархией производства, во много раз превосходящей производственную анархию капитализма, что нигде в мире нерентабельность производственных инвестиций не достигает такого чудовищного размера, что голод, отсутствие товаров, совершенное разстройство транспорта, постоянное бегство рабочих из одного предприятия в другое, непрерывные перебои в производстве и, значит, реальная безработица являются не случайными привходящими обстоятельствами, а вытекают из самого существа социализации, как огосударствления, и планирования, как подчинения всей хозяйственной жизни аппарату политической власти. Эмпирическое описание всего того хаоса, который составляет подлинную действительность советского планирования, не входит в задачу настоящей статьи, да оно и не убедит тех, кто заранее отвергает всякую эмпирию ссылкой на несовершенство обстановки. Для нас важно здесь показать другое, а именно, что советское плановое хозяйство по самому своему существу есть только усугубление и явное проявление отрицательных начал перераждающегося капитализма, как и вообще коммунизм есть только отрицательная изнанка капитализма, тень капитализма, ему неизменно сопутствующая и на нем паразитирующая. Если утрата автоматизма в современном капиталистическом хозяйстве ведет к выключению в нем принципа рентабельности, то в советском плановом хозяйстве начало рентабельности исключено принципиально раз и навсегда. Все попытки введения хозяйственного расчета в советские предприятия терпят неизменно крушение за отсутствием внутренней самостоятельности у каждого отдельного предприятия, принужденного к беспрекословному выполнению составленного в центре детального плана производства, — прямая противоположность тем немногим современным крупным предприятиям нового типа (Форд, Батя), которые, строго придерживаясь принципа рентабельности, строят свою работу на предоставлении каждому отдельному цеху предприятия самой широкой автономии, вплоть до превращения его в самостоятельную единицу, работающую

на собственном хозяйственном расчетѣ. Если структурный кризис современного капитализма проявляется в разстройствѣ рынка и, как слѣдствіе этого, в уменьшеніи покупательной силы населенія, то совѣтское плановое хозяйство, основанное на постройкѣ технических гигантов за счет «сжатія стальным обручем потребления населенія», завѣдомо и принципиально ведет к опустыниванію рынка. Здѣсь не только не предотвращается опасность нерентабельности инвестиций, но, напротив, утрачивается всякій критерій их рентабельности, так что всякая рационализация производства происходит вслѣпую, и техническій прогресс только по видимости не вступает здѣсь в противорѣчіе с хозяйственным, потому что самый критерій хозяйственно выгоднаго в отличіе от технически совершеннаго в совѣтском хозяйствѣ отсутствует. В дѣйствительности никогда еще противорѣчіе между техникой и хозяйством не было столь кричащим: грандіозныя техническія сооруженія, не только не удовлетворяющія элементарных потребностей населенія, но все болѣе и болѣе снижающія уровень этих потребностей. Совершенное поглощеніе хозяйства техникой, которое, как я показал это в другом мѣстѣ («Современныя Записки» № 27), составляет сокровенный замысел марксизма, приводит к тому, что техника не только вырывается из подчиненія хозяйству, парализуя капитал и труд, но превращается в демоническое начало, довлѣющее себѣ и, вмѣстѣ со свободой человѣка, пожирающее и культуру человѣка и самую его жизнь. Поэтому говорить о хозяйственном планѣ в совѣтской дѣйствительности принципиально невозможно. Здѣсь есть один только техническій план, неограниченное господство котораго необходимо ведет к хозяйственному хаосу, во мноо раз превосходящему анархію капиталистическаго хозяйства.

Да и возможно ли говорить о хозяйственном планѣ там, гдѣ хозяйство принципиально и безусловно лишено всякой внутренней самостоятельности? И в этом отношеніи коммунизм представляет собою только кривое зеркало современного капитализма, ярко выявляющее всѣ дѣйствующія в нем отрицательныя начала и не выставляющее на их мѣсто никакого новаго принципа. Если утрата современным капиталистическим

хозяйством его автономіи проявляется в его политизированіи, в том, что вмѣшательство государства в хозяйственную жизнь приняло нынѣ формы, западному капитализму дотолѣ неизвѣстныя, если в руках управляющей им финансовой олигархіи оно стало плацдармом внутренней политической борьбы, а в руках безцеремонно вмѣшивающагося в него государства плацдармом націоналистической политики, — то всѣ эти отрицательныя стороны современнаго капиталистическаго хозяйства, связывающія его положительныя, творческія силы, составляют самое существо хозяйства совѣтскаго, не давая развиться в нем никаким автономно-хозяйственным силам. Партийная олигархія, управляющая совѣтским хозяйством, в еще большей степени, чѣм Лагузены и Тиссены, думает о власти, а не о хозяйственной выгодѣ, и не случайно нѣмецкіе промышленники сами выдвигают сейчас проэкт государственной монополии внѣшней торговли, оказавшейся столь незамѣнимым орудіем в руках краснаго имперіализма. Огосударствленіе всей крупной промышленности, рекомендуемое Бауэром, не может не повести к неограниченному подчиненію хозяйства государственной власти и, значит, превращенію его в простое орудіе властвованія. Коммунизм есть плоть от плоти современнаго капитализма, а не его преодоленіе, и он поддерживается современным капитализмом, и притом наиболѣе хищными или наиболѣе деклассированными его элементами, отнюдь не по недоразумѣнію, а по глубокому их с ним родству. Давно прошли уже тѣ времена ранняго развитія капитализма, когда он духовно питался стихіей религіознаго протестантизма. Идеализированіе Дж. Рескиным «добраго хозяина», было, пожалуй, послѣдним отзвуком этого патриархальнаго умонастроенія. Деятнадцатый вѣкъ был временем господствующаго экономизма: в его обмірщенной культурѣ не только порвались всѣ связи, прикрѣплявшія хозяйство к религіи, но автономія хозяйства была абсолютизирована. В образѣ буржуа homo oeconomicus стал господствующим типом человѣка: уже не чувствуя себя болѣе управителем порученнаго ему Богом достоянія, буржуа начал уповать на однѣ только собственныя силы, полагая всю свою надежду в хозяйственной самостоятельности, основанной

на богатствѣ. Нынѣ и эти доблести предпринимателя классической поры капитализма отошли в прошлое. Номо оесопотімісус с его мотивом стяжанія отходит на задній план перед капитаном промышленности, основным мотивом которого является стремленіе к власти, и точно так же и масса, разочаровавшаяся в непрочной своей свободѣ, мечтает уже не о «скромном, независимом существованіи», а о «вождѣ», власти котораго она жаждет подчиниться в обмѣн за обезпеченное существованіе. Тѣм самым хозяйство утрачивает свою гегемонію, становится орудіем имперіалистической политики, в то самое время, когда географическая экспансія капиталистическаго рынка приближается к своему естественному предѣлу. Если період ранняго капитализма был эпохой религіознаго освященія хозяйства, а классическая пора временем религіознаго безразличія, то конец капитализма знаменуется возрожденіем своеобразнаго язычества, во многих отношеніях напоминающаго обожествленіе власти в императорском Римѣ. Замѣчательно, что развитіе коммунизма в Новое время прошло через тѣ же самыя три стадіи. Послѣ эпохи религіозно окрашеннаго коммунизма, начавшейся Фомой Мюнцером, представленной Т. Мором и отзвучавшей в сен-симонизмѣ Анфантена, наступила пора экономического матеріализма. Фактическое абсолютизированіе хозяйства классической поры капитализма получило в нем свое явное выраженіе, было возведено в метафизическую теорію и приобрѣло даже характер міровоззрѣнія. Но если до Октябрьской Революціи экономической матеріализм не выходил за предѣлы религіозно безразличнаго свободомыслія и уживался даже с принципом религіознаго нейтралитета, то ленинизм означает уже воинствующее язычество, в котором обожествленіе техники и воинствующаго пролетаріата причудливо сочетается с обожествленіем «вождя». Наконец, при Сталинѣ экономизм классической поры марксизма объявляется уже официально «меньшевистским уклоном», «ставящим палки в колеса» пятилѣткѣ и противорѣчащим генеральной линіи Партіи. Согласно послѣднему совѣтскому толкованію марксизма, «производственныя отношенія» опредѣляют «идеологическую надстройку» только в буржуазных странах, в совѣтском же госу-

дарствѣ, напротив, идеологія революціонизирует хозяйство, пользуясь им, как своим орудіем. Современный коммунизм так же мало экономичен, как и его видимый противник — поздній капитализм. В безбожнической идеократіи нынѣшняго коммунизма прикровенное еще язычество властепклонническаго капитализма получает свое явное выраженіе. Величайшее недоразумѣніе поэтому считать, что коммунизм представляет собою противоположное современному капитализму начало. Воплощая в себѣ всѣ недостатки современнаго капитализма и ни одного из его достоинств, он есть не что иное, как продукт разложенія, совокупность отрицательных начал капитализма в их чистой культурѣ, «чистое отрицаніе капитализма», как его и называл Маркс, по лѣво-гегельянски вѣрившій в творческую природу чистаго отрицанія. Преодолѣть капитализм значит одновременно преодолѣть и коммунизм, и обратно: капитализму удастся окончательно побѣдить коммунизм лишь тогда, когда, преодолѣвъ свой собственный структурный кризис, он переродится в новый хозяйственный строй, в котором творческія силы современнаго индустріальнаго хозяйства не будут болѣе искажаться и душиться подрывающими их сейчас отрицательными началами.

Выход из структурнаго кризиса современнаго хозяйственнаго строя может заключаться только в освобожденіи творческих положительных сил индустріальнаго хозяйства от искажающих его и сковывающих отрицательных начал. Ломкость современнаго капитала и хрупкость современнаго труда требуют стабильности рынка. Как достигъ ея, не упраздняя подвижности капитала и труда, т.-е. не отмѣняя хозяйственной свободы? Чѣм возмѣстить хозяйству утрачиваемый им сейчас автоматизм, не упраздняя однако, а, напротив, восстанавливая во всей его силѣ выключаемый сейчас из него принцип рентабельности? Как предупредить опасность нерентабельной рационализациі, цѣлесообразно и справедливо распредѣлить риск новых инвестицій и возстановить тѣм самым гармонію между техническим и хозяйственным прогрессом? Как освободить хозяйство от подчиненія его политикѣ, от превращенія его в плацдарм внутренней и внѣшней борьбы за власть, т.-е. вернуть ему его автономію, или, точнѣе, обезпечить ему нормальное

выполнение им его собственной функции, иначе говоря — его объективировать? Решение проблемы должно точно соответствовать самой проблеме: оно не должно заключать в себя ни меньше того, что требует проблема, ограничиваясь борьбой с симптомами недуга (рецидив чистого либерализма), ни содержать в себя больше того, что требует проблема, уничтожая хозяйство в технике (рецидив огосударствления). Оно не может заключаться в чисто отрицательных мерах, имеющих универсальный характер (отмена всякого рода государственного вмешательства или, наоборот, отмена всяких гарантий собственности), но может состоять только в ряде положительных, конструктивных мероприятий, имеющих целью своей стабилизацию хозяйства и его объективацию, при полном сохранении им и даже усилении в нем его мобильности и, значит, хозяйственной свободы.

Подробная характеристика этих мероприятий институционального типа, могущих вывести современное капиталистическое хозяйство из его нынешнего структурного кризиса, выходит за рамки настоящей статьи. Тем менее могу я здесь входить в описание того будущего хозяйственного порядка, который уже сейчас намечается как единственный выход из современного положения, коего существо можно было бы лучше всего определить словами Прудона, как «постоянный взаимный плагиат между капитализмом и коммунизмом», в котором каждый из этих мнимых противников питается за счет другого. Но уже из изложенного выше ясно, что направление, в котором только и может быть найдено решение вопроса, есть плановое хозяйство, организующим элементом которого является не начало властвования и тем менее командования, а начало права, и которое в хозяйственной области составляет аналогию тому, что в области государственной есть «демократия», — не в смысле якобинского самодержавия народа, а в смысле последовательно проведенного правового государства. В отличие от чисто технического плана, необходимо ведущего к разрушению хозяйства, хозяйственный план предполагает и наличие рынка, и множественность самостоятельных хозяйственных центров производства, и начало рентабельности, и частную инициативу и гарантии собственности, которая по самой сути своей

всегда, даже в тѣх случаях, когда субъектом ея является государство или община, остается «частной». Стабильность рынка достигается созданием соответствующих учреждений, обеспечивающих движение капиталов в направлении их рентабельного инвестирования, рентабельного с точки зрения цѣлаго народного хозяйства, а не одной его части, и распределяющих риск, никогда не могущій быть при этом совершенно исключенным, справедливо между всеми участниками хозяйственного процесса в отношении их заинтересованности. Плюрализм хозяйственных центров от этого ничуть не страдает: то, что называлось «свободной конкуренцией», было лишь низшей формой этого плюрализма, соответствовавшей низкому органическому строению капитала в эпоху классического капитализма. Замена конкуренции сотрудничеством на основании правового соглашения есть только дальнѣйшее развитие той практики тарифных договоров, производственных объединений и потребительского кооперирования, которая была одновременно и условием и слѣдствием роста органического строения капитала и производительности труда. Лишь предвзятость или невѣжество могут игнорировать то громадное расширение внутреннего рынка и тот чрезвычайный рост частной хозяйственной инициативы, которыми сопровождалось это рождение и развитие хозяйственного права, не как права частного, а как права социального, организующаго хозяйство снизу и изнутри в направлении превращения его в цѣлостный организм, в котором начала единства и множественности взаимно уравнивают друг друга. Только благодаря этому социальному хозяйственному праву, уже связывающему нынѣ хозяйство не низшей механической связью конкуренции, а болѣе сложными и духовными узами разнообразнаго сотрудничества, хотя и связывающему его в далеко еще недостаточно степени, современное индустриальное хозяйство могло до сих пор успешно противостоять тѣм отрицательным началам коммунизма, которыя, в видѣ ли финансовой олигархii, националистической ли политики или безработицы, разлагают его изнутри. Социализм возможен или на путях дальнѣйшаго развития хозяйственной демократii, т.-е. все большаго связыванія хозяйства, пронизыванія

его изнутри социальным правом, или он вообще неосуществим. Но и современный хозяйственный строй может спасти себя от саморазложения, от окончательного своего вырождения в коммунизм, лишь переродившись в социализм в смыслъ полного и послѣдовательнаго преобразования себя на началах хозяйственной демократіи.

Глубоко заблуждаются поэтому тѣ социалисты, которые, пребывая в плѣну у унаслѣдованной ими от марксизма отрицательности мышления, полагают, как Бауэр, что хозяйственная демократія есть только средство осуществленія социализма, что цѣль его, как это, напримѣр, утверждает и Нафтали, осталась в современном рабочем движеніи неизмѣнной. Нѣтъ, надо, наконец, раз и навсегда признать, что цѣль и средства не безразличны друг к другу, и что самая цѣль всѣх тѣх, кто стремится к перерожденію современнаго хозяйственнаго строя средствами демократіи, принципиально и существенно отличается от цѣли всѣх тѣх, кто мнит утвердить его или низвергнуть средствами дикатуры, в дѣйствительности же — утверждая низвергает, а низвергая возстанавливает. Если продумать до конца предположеніе Бауэра, что, в цѣлях созданія плановаго хозяйства, государство этатизирует всю тяжелую промышленность, оставаясь при этом однако демократическим государством, т.-е. дѣйствуя как носитель права, а не господства, то огосударствленіе или пожрет всѣ демократическіе методы управленія или окажется обставленным столькими гарантіями, охраняющими свободу труда и автономію отдѣльнаго предпріятія, что окажется чисто номинальным, напоминающим пресловутое всемогущество англійскаго парламента, останавливающагося только перед превращеніем мужчины в женщину. Оно окажется не превращеніем государства в монопольнаго собственника и правительства в неограниченнаго распорядителя всей хозяйственной жизнью, а сведется к созданію ряда учреждений, имѣющих цѣлью своей организацію производства и рынка путем соглашенія всѣх участников хозяйственнаго процесса, и к нѣкоторому законом точно опредѣленному соучаствію государства в собственности крупных промышленных предпріятій, из котораго нѣтъ впрочем никаких основаній исключать и

другія общественныя организаціи низшаго или высшаго, чѣм государство, типа. Поскольку государство будет демократическим, т.-е. будет выступать как носитель права, а не господства, и огосударствление будет означать оправовление собственности, а отнюдь не передачу ея в управление государственным чиновникам. Только социализація собственности в смыслѣ оправовления ея, а не огосударствления, соответствует тому процессу объективизаціи собственности, к которому ведет с одной стороны иммобилизація громадных капиталов в крупных центрах производства, а с другой — одновременное «разсыяніе» собственности в видѣ акцій, возвращающих капиталу его подвижность, и которое в свою очередь приводит к оттѣсненію на задній план вопроса о том, принадлежит ли данное предприятие банковскому концерну, государству, общинѣ или даже вовсе никому не принадлежит, как в случаѣ предприятия-учрежденія (типа Цейсса), или акціонернаго общества, выкупившаго всѣ свои акціи и затѣм заложившаго их для мобилизаціи своего капитала. Возможно, что нормальной формой собственности на крупныя предприятия и будет предприятие, никому не принадлежащее, принадлежащее самому себѣ, приобрѣтшее институціонный характер, чему не препятствует соучастіе в собственности на него его рабочих и служащих, постоянных потребителей (кооперативных обществ), государства и других общественных организаціи (земства, общин, институтов изслѣдованія), разнообразную активность которых оно своей дифференціальной прибылью «улавливает». Но именно потому, что эта форма собственности будет только нормальной, и притом только в отношеніи предприятий крупнаго типа, она не исключает других форм собственности, а напротив предполагает их многообразіе.

Итак, автоматизм, сейчас хозяйством все болѣе и болѣе утрачиваемый, возмѣщается организаціей хозяйства через оправовление собственности, которая становится одновременно и болѣе индивидуальной (т.-е. незамѣнимой частью цѣлаго хозяйства) и болѣе социальной (т.-е. объективной). Автоматизм замѣняется планом, но планом не техническим, уничтожающим автономію отдѣльных предприятий и исключających принцип рен-

табельности, а планом хозяйственным, устанавливаемым методами хозяйственной демократии. Автономия хозяйства, сейчас утраченная, возмещается объективизацией хозяйства, поскольку, в мѣру стабилизации рынка, хозяйство становится тѣм, что нѣмцы называют *Bedarfsdeckungswirtschaft*, т.-е. хозяйством, удовлетворяющим в первую очередь потребности общества, а не корыстолюбие homo oeconomicus, или властолюбие капитана промышленности.

Разумѣется, будущій хозяйственный строй, описанный нами, не есть нѣчто неизбежное, вытекающее из современнаго капитализма с фаталистической неизбежностью. Онъ есть только один из двух возможных путей развитія, поставленных перед современным вырождающимся капитализмом его структурным кризисом: или крушение современнаго хозяйства и окончательное вырождение его в коммунизм, или перерождение его в социалистическое плановое хозяйство. Первый путь есть путь унынія и косности, путь непротівленія тѣм отрицательным началам коммунизма, которыя подрывают современный хозяйственный строй Запада изнутри и извнѣ. Второй путь есть путь свободы, волевого напряженія, собственно творческій путь. Онъ предполагает оживленіе въ новомъ поколѣннн свободолубія и вѣры въ человѣка, что возможно только черезъ одухотвореніе всей общественной жизни и современной культуры. Подобно тому, какъ одухотвореніе жизни христіанствомъ сдѣлало возможнымъ познаніе природы и развитіе техники, точно так же и сейчасъ рѣчь идетъ о томъ, чтобы спасти общедоступную нынѣ технику и покоящееся на ней хозяйство новымъ одухотвореніемъ жизни. Ибо, если современному индустриальному хозяйству удастся преодолѣть его нынѣшній структурный кризис, то это освобожденіе хозяйства отъ сковывающихъ его отрицательныхъ началъ будетъ необходимо означать также побѣду надъ новымъ язычествомъ и возвращеніе хозяйству его религіознаго освященія. «Объективное хозяйство» не можетъ быть ни имперіалистическимъ ни самодовлѣющимъ «автономнымъ» хозяйствомъ, и доблести, имъ предполагаемая, не могутъ проистекать ни изъ рабской или господской морали, ни изъ морали корыстолюбивой честности. Только в свободномъ служеннн Духу онѣ могутъ имѣть

свой источник.

Какіе выводы вытекают отсюда в отношеніи Россіи? Если хозяйственная демократія возможна только как усовершеніе и расширеніе демократіи политической, то не значит ли это, что Россія должна просто повторить западное развитіе, а пока что, послѣ сверженія коммунизма, основательно вывариться в котлѣ чистаго капитализма? Так дѣйствительно обстояло бы дѣло, если бы коммунизм был началом, в основѣ своей противоположным капитализму. Но так как коммунизм есть не что иное, как чистое воплощеніе всѣх отрицательных начал современнаго капитализма, то борьба с ним отнюдь не означает борьбы за возстановленіе капитализма как такового, капитализма в его чистом видѣ. Разумѣется, хозяйственная свобода есть и объективная необходимость и субъективная мечта всей закрѣпощенной сейчас Россіи. Несомнѣнно также, что в первое время упоенія свободой ее будут цѣнить всякой, тѣм болѣе, что, какою бы она ни была, она оразу же улучшит во много раз благосостояніе населенія. Насыщаясь, обстраиваясь, одѣваясь, трудовая Русь будет благословлять вначалѣ самую примитивную форму свободы. Значит ли это, что именно эту элементарную форму свободы надо возставить как идеал? И не слишком ли выварилась уже Россія в котлѣ коммунизма, чтобы нуждаться еще в дополнительной капиталистической варкѣ? Самую страшную пору этой послѣдней — пору первоначальнаго накопленія — Россія переживает уже сейчас в ея коммунистическом обличьи. Вовлеченный уже сейчас в міровое хозяйство и подгоняемый им, русскій капитализм, сбросив с себя свою коммунистическую маску, быстро созрѣет до своей высоко-структурной формы, — пожалуй быстрѣе, чѣм русскій трудящійся люд воспитает в себѣ привычки политическаго и хозяйственнаго самоуправленія. В этой горячечной быстротѣ развитія и будет заключаться, быть-может, одна из главных особенностей русскаго развитія. И потому надо уже сейчас готовить поколѣніе, которое не просто успокоится на реставраціи капитализма, а будет работать над его положительным преодоленіем, ибо тот, кто до конца преодолѣл коммунизм, с ним вмѣстѣ необходимо преодолѣл и капитализм.

С. Гессен.